

изданная таким серьёзным издательством, каким является «Академия» в 1933 году в серии «Иностранные мемуары». Около пятидесяти лет просуществовала эта мистификация, в которой от имени французской актрисы, путешествовавшей по России, где она встречалась со многими известными русскими людьми, в т. ч. и с М. Ю. Лермонтовым. Описана жизнь российской провинции. Развенчана эта мистификация окончательно лишь в 1948 году, когда в «Литературном наследстве» тт. 45-46, была опубликована статья «П. П. Вяземский — автор «Писем и записок Омер де Гелль».

Павел Петрович Вяземский — сын Петра Андреевича Вяземского, друга А. С. Пушкина и автора многочисленных литературных и критических произведений, которые с трудом уместились в двенадцатитомном собрании его сочинений.

Мне кажется, что от признания книги, изданной издательством «Академия», мистификацией, интерес к ней книголюбов может только возрасти.

В этом небольшом рассказе описано несколько редких и редчайших изданий, хранящихся в моём собрании. Выборка их для представления читателю несомненно случайная. Характер книг, подпадающих под категорию редких и редчайших, не обладающих широкой и признанной известностью своих авторов, конечно, значительно больше. Каждый собиратель может иметь подобные книги и, после изучения их судьбы, утвердить их в этой категории. Однако, обращая внимание читателей, что из 13 приведённых в качестве примера книг, 6 входят в список «Запре-

щённых книг в России», составленных Л. Добровольским.

Этот рассказ написан исключительно для книголюбов-собираателей редких книг. На протяжении моей довольно долгой карьеры книжного собирателя я встречал таких книголюбов, для которых это был единственный критерий приобретения для своей коллекции книг. Представляете ситуацию: вы посещаете такого любителя, он вас знакомит со своей коллекцией, в составе которой вы не видите ни одного известного вам автора и слышите следующие пояснения: «Тираж этой книги на голубой бумаге — 5 экземпляров. Эта книга с правками автора. Этот поэт неизвестен, потому что издан в Калуге в 1918 году, и небольшой тираж погиб в годы гражданской войны, и сам автор погиб в эти же годы, будучи очень молодым», и тому подобные сообщения.

Чтобы давать такие пояснения, книголюб-собираатель должен был изучить ни один том справочной, исторической, порой даже энциклопедической литературы. Разве это не интересно?!

Московские букинисты-друзья

Конечно, вначале это произошло спонтанно. Бывая довольно часто в букинистических магазинах, ты поневоле знакомишься с букинистами (сейчас я имею в виду директоров и товароведов), и с некоторыми из них у тебя находят общие интересы, которые совсем не обязательно лежат в области их профессио-

нальной деятельности. Постепенно, постепенно они могут стать твоими друзьями и начинают болеть за тебя, как собирателя. Они интересуются твоими запросами, знают, что ты собираешь и начинают оставлять для тебя книги, которые, по их разумению, тебя интересуют. Тут дело не в дефицитности издания (это ведь не какой-нибудь особый сорт колбасы, который нужен почти всем покупателям), а речь может идти о книге, которая практически никому не нужна, а тебе нужна до зарезу. Именно её не хватает в твоём собрании! И если букинист знает, что тебе она, возможно, нужна, именно её не хватает в твоей подборке, то цена такой дружеской услуги огромна. Ведь эту книгу магазин вообще мог не взять, или, взяв, оценить достаточно дешёво, и книга могла быть продана случайному покупателю. Разумеется, под словом «случайный» я имею в виду покупателя, который её не искал, она ему понравилась на прилавке благодаря известности автора и относительной дешевизне. Когда такой покупатель её приобретёт, становится совершенно неизвестной дальнейшая судьба этой книги. Вернётся ли она на букинистический рынок, чтобы попасть, наконец, в собрание, где её не хватает, и откуда, весьма возможно, она и попала на этот рынок? Поэтому букинист, делающий тебе такую пощажку, по существу выполняет свой профессиональный долг. Но выполнять он его может, если хорошо знает нужды близкого ему собирателя.

Как собиратель могу сказать, что если бы мои друзья-букинисты не действовали так со мной, никогда бы мне не иметь собранную коллекцию.

Особая дружба связывала меня с Львом Абрамовичем Глезером в период его работы в 14-м магазине, который позднее стал называться «Пушкинской Лавкой». Нас сближали не только книжные интересы, нас связывал интерес к спорту и, в первую очередь, к шахматам и футболу.

До войны Лев Абрамович был видным шашистом в стране, участвовал в издании, по-моему, единственной в мире шахматно-шашечной газеты «64», а я в то время был начинающий шахматист, регулярный подписчик газеты. Мы с Львом Абрамовичем часто посещали ряд матчей на первенство мира по шахматам, в которых участвовали М. Ботвинник, М. Таль, Б. Спасский, Т. Петросян. Ходили и на стадион на футбольные матчи; похоже, что болели за одну команду и т. д.

Но главным характером наших общений был интерес к книгам. Лев Абрамович мог многому научить, он так много знал о книгах! Правда, я уже тоже что-то понимал и мог что-то из прочитанного рассказать, что ему было интересно. Наиболее типичный характер общения был таков: я работал в районе Белорусского вокзала и в конце рабочего дня звонил ему в магазин, интересуясь, не приносили ли ему чего-нибудь интересного. Обычно он отвечал: «Увидишь, но по дороге захвати бутылочку армянского.» Надо сказать, что он любил после работы выпить коньячку и, зная, что я вхож в магазин «Армения», неизменно заказывал мне эту бутылочку. Когда же я приходил в магазин уже перед закрытием, то обнаруживал, что моя бутылочка не первая, и что коллеги Льва Абрамовича, закрывая магазин, уже разливают напиток по рюмкам, в том

числе и для меня, зная, что подмога будет. Закуска не культивировалась, как правило, конфетки и обсуждения сегодняшней покупки, а потом и другие книжные разговоры. В них, как правило, участвовали директор магазина Зинаида Ивановна Константинова и товаровед Юлия Александровна Петрова; которая была директором «Пушкинской Лавки». Оставались иногда и другие работники. Хотя наши книжные посиделки продолжались довольно долго — один, два, а иногда и три часа после семи часов, времени закрытия магазина, — обязательное участие двух работников магазина было предопределено необходимостью иметь при заперении дверей магазина двух работников, каждый из которых брал с собой ключи, чтобы гарантировать на следующее утро безусловное его открытие.

Во время этих бесед мне предлагались книги, которыми Лев Абрамович считал целесообразным пополнять моё собрание. Много замечательных книг было мною получено, как говорится, под «звон бокалов». Здесь мне хотелось бы представить слово самому Льву Абрамовичу; в своей книге «Записки букиниста» (издательство «Книга», 1989 г.) об одной из них он пишет: «Первое издание «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя 1842 года считается редкостью и ценится довольно высоко. Однажды старый букинист, находившийся на пенсии, продал нам не совсем обычный экземпляр «Мёртвых душ». Первый его владелец вставил в книгу листы с рисунками А. Агина, изданные в 1846 году. Сделать такой экземпляр было несложно, поскольку каждый рисунок имел обозначение страниц первого издания книги с несколькими строчками текста.

Пришлось, правда, листы рисунков подрезать и уравнять с листами текста «Мёртвых душ». Получился отличный экземпляр первого издания «Мёртвых душ» с рисунками А. Агина. Книга находится и сейчас в библиотеке одного книголюба — большого друга нашего магазина.»

Мне остаётся добавить к этому то, что Лев Абрамович не знал. Мне удалось раздобыть ещё один довольно плохонький экземпляр первого издания «Мёртвых душ», купил я его исключительно по одной причине — на переднюю крышку переплёта была наклеена обложка. А как известно, обложку для этой книги нарисовал Н. В. Гоголь, и она является большой редкостью. Я отдал купленную книгу специалисту, и он не только сумел отпарить обложку от переплёта, но и каким-то образом её отмыть. В результате получилась довольно приличная обложка, которую мне захотелось соединить с экземпляром, полученным в магазине у Льва Абрамовича. Поэтому я отдал книгу переплести — это необходимо было сделать, так как книга имела весьма потрёпанный переплёт. Зато теперь этот экземпляр «Мёртвых душ» 1842 г. имеет не только агинские иллюстрации, но и обложку, нарисованную Н. В. Гоголем.

Очень много замечательных книг мне удалось приобрести в магазине «Пушкинская Лавка». Оправдывая своё название, несколько прижизненных изданий А. Пушкина, редчайшие «Стихотворения» издания 1826 г., «Цыганы» издания 1827 г., томик 3го издания «Евгений Онегин» издания 1837 г., книжке, которая лежала на столе у Пушкина, когда его привезли после

дуэли, пять-семь альманахов пушкинского времени. Около двадцати журналов досталось мне из коллекции И. М. Кудрявцева с прижизненными пушкинскими публикациями и многое другое. Лев Абрамович был тоже страстным собирателем, и мне доставались книги по праву второй руки, так как области наших книжных интересов были очень схожи.

О двух моментах моих собирательских приключений, связанных с Львом Абрамовичем, мне хочется ещё вспомнить. Он собирал много лет журнал «Жар-птицу», которую издавали находящиеся в эмиграции выдающиеся деятели русской культуры, литераторы, художники, критики. Журнал издавался в двадцатые годы в Берлине и Париже на очень высоком полиграфическом уровне. Издаваясь относительно небольшим тиражом, его не хватало для подписчиков периода первых, по-моему, двух номеров (вывод на основании вторых изданий этих номеров), а в связи с уменьшением количества подписчиков последние два номера, 13 и 14, были изданы меньшим тиражом. Напомню, что журнал «Жар-птица» издавался в течение 5 лет, с 1921 по 1926 г., и всего вышло четырнадцать номеров.

Лев Абрамович не мог долгие годы найти тринадцатый номер журнала. Однажды директор другого букинистического магазина предложил поехать с ним в Ленинград. Его знакомые сказали, что одна ленинградская семья хочет продать очень большую библиотеку со старыми книгами, а так как они слышали, что москвичи за книги платят больше ленинградцев, то позвонили этому директору. Последний, видимо, не

полагаясь на свои собственные финансовые ресурсы и знания, пригласил меня. В одну из пятниц мы сели в поезд и утром уже входили по указанному адресу.

Книг действительно оказалось очень много, но к величайшему моему сожалению, все они были изданы в Риге, в других европейских городах в двадцатые и тридцатые годы. В основном, беллетристика. Пересмотрев горы книг и убедившись, что всё это мы купить не хотим, посоветовали хозяевам продавать их в Ленинграде; я неожиданно увидел один номер журнала «Жар-птица» в прекрасном состоянии, и это был тринадцатый номер. Я понимал, что сколько бы я не предложил за него заплатить, это только насторожило бы хозяев. Как, сотни книг не нужны совсем, а за одну предлагают какую-то цену? И я пошёл ва-банк, попросив, чтобы в виде символической компенсации за столь неудачный вояж, ведь нам предстояло как можно скорее вернуться в Москву ни с чем, подарить этот журнал для чтения на обратном пути. После небольшого раздумья, владелицы (это были две женщины) согласились. Известив Льва Абрамовича об удачном приобретении, я предложил обмен. Он в этот день купил два альманаха «Северные цветы» на 1827 и 1830 годы, издаваемый, как известно, другом Пушкина А. Дельвигом. Этот альманах издавался в течение 8ми лет, с 1825 по 1832 годы, он был наполнен пушкинскими произведениями, а «Северные цветы» на 1828 год открывались впервые гравированным Н. Уткиным знаменитым портретом А. Пушкина, выполненным О. Кипренским и были насыщены произведениями А. Пушкина вместе с «Графом Ну-

линым», и названными в книжной истории пушкинскими «Северными цветами».

Альманах на 1832 год был издан после смерти А. Дельвига А. Пушкиным. В целом, пожалуй, лучший литературный альманах пушкинского периода.

Всё это я знал, когда увидел купленные Львом Абрамовичем два альманаха, они были в хорошем состоянии, и я потребовал их оба за тринадцатый номер журнала «Жар-птица». После категорического отказа я предложил ещё раз обсудить предлагаемый обмен за бутылкой армянского. И мы договорились! Сколько уже написано о вреде алкоголя и очень мало о пользе. Сделаю свой вклад в исправление допущенной диспропорции! Не помню точно, в каком это было году, знаю, что одновременно с нашими переговорами проходил матч-реванш Ботвинник—Таль, и с той поры я пытаюсь собрать все восемь альманахов.

Возвращаясь к теме о пользе алкоголя (разумеется в шутовском плане), хочу рассказать ещё об одном необычном способе пополнения своей коллекции, связанным с Львом Абрамовичем. Во время вечерних посиделок в магазине, а иногда и продолжающихся бесед уже вдвоём в соседнем кафе, я выслушивал сказанные с законной гордостью сообщения собеседника, что сегодня ему звонили и просили совета в оценке, комплектности или других качествах книг из сегодняшней покупки коллеги из других магазинов. Лев Абрамович считался мэтром в профессиональной среде, и к нему часто обращались за советами.

Таким образом, во время наших застольных бесед я невольно получал информацию о наиболее инте-

ресных поступлениях в других магазинах. На другой день я отправлялся по названным адресам и зачастую покупал очень редкие книги.

Про две из них, мне кажется, стоит рассказать. В 1844 году вышла в свет работа В. Даля под названием «Исследование о скопческой ереси». Текст и 5 литографий на отдельных листах. Эта работа выполнена В. Далем в бытность его секретарём министра внутренних дел Л. А. Перовского и по его поручению. Книга была отпечатана в малом количестве экземпляров, не более 20, да и те, по свидетельству писателя Мельникова-Печёрского, в большей части сгорели. Сохранившиеся экземпляры, в особенности с литографиями, встречаются исключительно редко. Эти сведения впервые привёл в описании своей библиотеки весьма авторитетный собиратель книг Иван Михайлович Остроглазов.

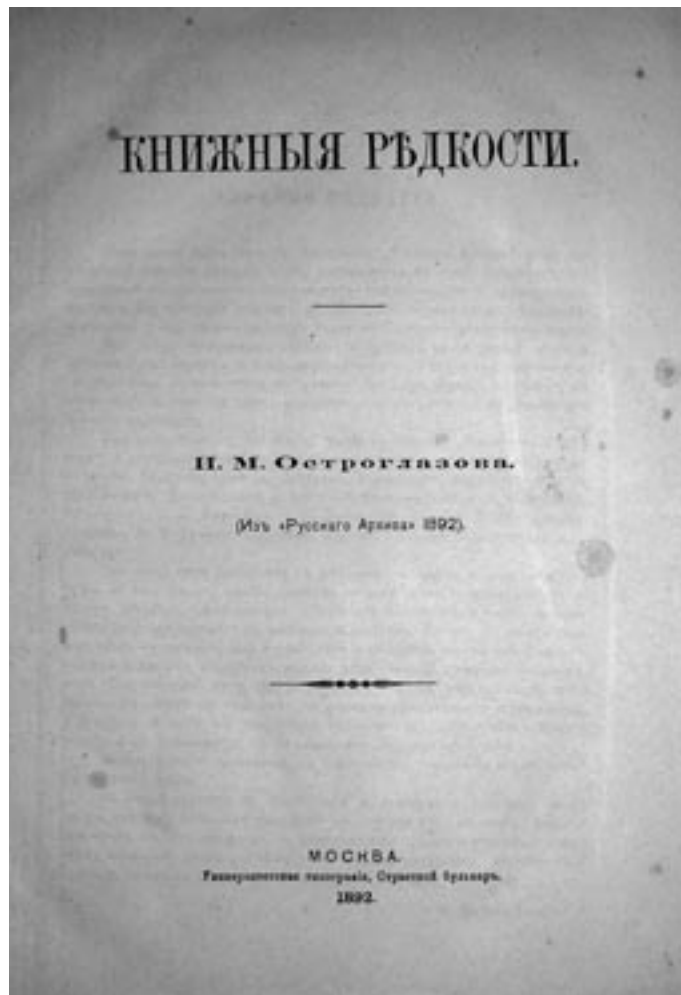
Как-то сидя с Львом Абрамовичем за вечерней беседой, он мне вдруг говорит: «А ты знаешь, мне сегодня звонила Ольга Ильинична и сказала, может ли быть, что она купила настоящий экземпляр «Исследования о скопческой ереси», мол автор не указан, хотя пять картинок имеются. Кроме того, один печатный лист (16 стр.) напечатан на пишущей машинке с дореволюционной орфографией и вплетён на своём месте книги. Я попросил прислать мне книгу, и тогда я смогу ответить.» Я, как говорится, принял сообщение к сведению, и на следующий день утром отправился к Ольге Ильиничне на Сretenку. Она, конечно, тут же показала мне купленную книгу, и, убедившись в подлинности экземпляра, хотя и не

очень выдающегося по внешнему виду, приобрёл эту редчайшую книгу. По каталогу редких книг, изданному петербургским антикваром Н. В. Соловьёвым в 1910 году, «Исследование о скопческой ереси» В. Даля оценивалось в 250 рублей. В том же каталоге все 8 книжек альманаха «Северные цветы» в полукожаных переплётах с золотым тиснением, с сохранением обложек оценены в 150 рублей.

Таким же образом мне удалось приобрести редчайшую книгу по библиографии редких книг И. М. Остроглазова «Книжные редкости». Эта книга, очень полезная собирателям, обычно выглядит как вынутые страницы из журнала «Русский архив» за 1892-1893 г.г., где сохраняется нумерация страниц журналов, откуда вынуты страницы, и при этом не бывает, естественно, титульного листа. Но известно, что И. М. Остроглазов попросил сделать ему 20 экземпляров как отдельное издание, т. е. с титульным листом и перевёрсткой нумерации страниц, как в отдельной книге. Именно такую книгу я приобрёл с помощью информации, полученной от Льва Абрамовича в очередной вечерней беседе.

Я уже рассказывал, что в начале книгособирательской деятельности жил в районе ул. Сретенка, на которой находился букинистический магазин № 7. Как самый близкий и, кроме того, стоящий на пути к центру, я часто в нём бывал и хорошо познакомился с коллективом, начиная от директора до каждого продавца.

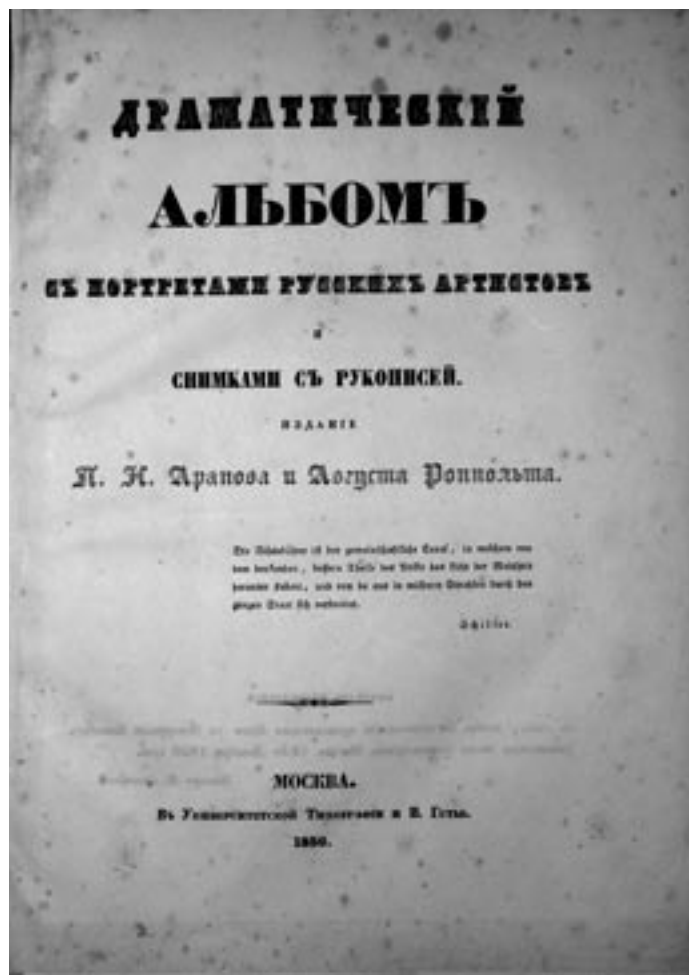
Благодаря этому, мне удавалось покупать там много книг. Но это было в годы, предшествующие



собирачеству антикварных книг. Спустя более чем 10 лет, я жил на ул. Кирова и уже начал собирать книги первой половины XIX века, я продолжал посещать этот магазин, хотя там был другой директор и другая бригада работников. Магазин возглавляла милейшая и опытнейшая Ольга Ильинична Савина. У меня всегда с ней были хорошие отношения. До этого директорствования она работала в нескольких букинистических магазинах, постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Заглядывать к ней в магазин я мог, как правило, по вечерам, после работы. Однажды зайдя, таким образом, около 7 часов, я застал её беседующей с неизвестным мне человеком, любителем книг, который принёс продавать «Драматический альбом с портретами русских артистов и снимками с рукописей». Изд. П. Н. Арапова и Авг. Ропполята. М., 1850 г., с портретами 40.

Книгу эту я видел в первый раз, но, не заглядывая в неё, купить её было необходимо. Переплёт, в который она была «одета», и до сих пор, спустя сорок лет после её приобретения, является в моём собрании в пятёрке лучших образцов переплётного искусства. Литографированные цветные передняя и задняя обложки в полной сохранности. Вид у книги в целом был великолепен.

Ольга Ильинична мне сказала, указывая на потенциального продавца: «Это мой старинный знакомый, живёт рядом на Сretenском бульваре, ему срочно нужны деньги, а у нас уже кассир ушёл, не купите ли вы эту книгу?» Мне назвали цену, и я без малейших колебаний её заплатил. Остались довольны все троё.



Я побежал домой читать в библиографической литературе, что же я купил. Это был просто сказочный экземпляр альбома, даже задняя обложка была сохранена. Обрезанный и позолоченный переплётчиком только сверху, том представлял из себя произведение переплётного искусства.

Мне так понравилась ситуация со способом приобретения этой книги, что я решил обязательно повторить посещение магазина ровно через неделю. Мне, почему-то, стало казаться, что любитель со Сретенского бульвара вновь придёт продавать вечером что-нибудь ещё (по-моему, это было в четверг). Придя вечером в следующий четверг к Ольге Ильиничне, я не поверил своим глазам, тот же любитель принёс продавать четыре тома «Москва или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского», М., 1827 г., из библиотеки графа В. Панина, в четырёх хорошо сохранившихся современных переплётах с суперэкслибрисами гр. Панина.

На сей раз кассир был на месте, и, опоздай я хотя бы на 5 минут, продавец книг получил бы на 20 % меньше той суммы, которую я ему уплатил, выслушав оценку Ольги Ильиничны.

Все тома в прекрасном состоянии. Однако, иллюстраций нет. Должны ли они быть в этом издании? Указаний на это я не нашёл.

Думаю, читателю уже понятно, что в следующий четверг в половине седьмого я уже был в магазине. И опять не зря. Этот же человек, как я уже знал, жил в доме бывшего страхового общества «Россия», на углу Сретенского бульвара и ул. Мархлевского (ныне Ми-

лютинского переулка), что он профессор, но дальше этого знакомство не продвинулось. На сей раз он принёс четыре тома собрания сочинений А. К. Толстого в трёх переплётах, также очень красивых. Красных полужокожаных переплётах с экслибрисами Н. М. Хлебникова. «Полное собрание сочинений Гр. А. К. Толстого», СПб., 1902 г. Тома первый и второй в одном переплёте.

В четвёртый четверг общался я только с Ольгой Ильиничной. Через неделю я в пятый раз подряд приехал в магазин, и опять профессор не появился. Тогда я спросил Ольгу Ильиничну, кто он таков и, может быть, он стал появляться в другие дни? Я получил ответ, что он больше не приходил, назвала его фамилию, сказала, что давно его знает и всё. Так в моей жизни он больше не появлялся, подарив мне три издания в семи, можно сказать, выдающихся переплётах.

С Ольгой Ильиничной или точнее, с магазином, где она была директором, связан ещё такой своеобразный эпизод книгособирательства.

В 1963 году я был награждён за разработку чего-то (сейчас уже не помню) медалью ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства), то что теперь называется ВВЦ (Всероссийский выставочный центр); к медали полагался подарок стоимостью 50 руб. (в условном пересчёте на сегодняшний уровень цен — около 3-4 тыс. рублей); администрация предлагала разные подарки — бытовые приборы, посуду и т. п. Мне это всё не нравилось, и я сумел с ними договориться, что я сам найду себе подарки на выделенную сумму, принесу им счёт, они его оплатят (наличными они платить не могли), и я по доверенности заберу

подарок. Тогда я обратился с просьбой к Ольге Ильичне, чтобы за короткое время подобрала для меня комплект каких-либо интересующих меня книг. Она мою просьбу выполнила со свойственной ей добросовестностью, то есть, покупая ту или иную книгу, Ольга Ильична уже мысленно прикидывала (по её рассказам) мой интерес к данной книге и после покупки откладывала её для ВДНХ. После набора книг на 50 руб. (более десятка книг) был выписан счёт, ВДНХ его оплатила, и я получил подарок к медали. Несколько книг из этого подарка и сейчас радуют меня.

Диана Абрамовна Демиховская многие и долгие годы была добрым гением для моей коллекции, да и для меня тоже. Время начала её работы в системе букинистической торговли практически совпало со временем нашего знакомства. Это был 1950 год. Тогда она начала работать в качестве младшего товароведа у, можно сказать, старейшины московских букинистов того времени — Михаила Ивановича Логинова. Этого магазина на углу Моховой улицы и Воздвиженки уже давно нет. Потом она работала ещё в трёх магазинах и была выдвинута, кажется в 1960 или 1961 году, в один из центральных магазинов, № 45, который располагался в здании гостиницы «Метрополь», где и прошли основные годы её букинистической карьеры. Все эти годы мы дружили. Она пополняла моё собрание, а я помогал ей в силу моих возможностей в решении различных житейских проблем.

Сказать, что с Николаем Николаевичем Лебедевым мы были близкими друзьями, не могу. Но сейчас, вспоминая все наши книжные контакты, испы-

тываю чувство глубокой симпатии и благодарности. Он очень многому меня научил за десятки лет нашего общения. Я бы мог перечислять его человеческие достоинства, среди которых была неизменная порядочность, доброжелательность, профессионализм, да и многие другие. Мне представляется, что вспоминая о нём, без которого моя коллекция не была бы собрана с такой полнотой, я выполняю свой дружеский долг. Николай Николаевич на протяжении нескольких десятков лет нашего знакомства работал в нескольких букинистических магазинах Москвы.

Конечно, я покупал книги и у многих других московских букинистов, но длительных дружеских отношений с ними я не имел, что не даёт мне права называть их друзьями.

Ленинградские букинисты

В пятидесятых — семидесятых годах XX века организация букинистической торговли в Москве и Ленинграде существенно различалась. В Москве букинистические магазины были сосредоточены, в основном, в центральных районах города, я бы даже заметил, не в районах массового проживания населения. Поэтому сюда приходилось ездить для продажи книг со всех концов города. Такое положение означало, по моему мнению, что главной задачей букинистических магазинов была продажа книг. Тем более, что в Москве, ориентирующейся не только на местного покупателя, и цены были достаточно высокими.